

ЛУИ БУССЕНАР

ПОХИТИТЕЛИ
БРИЛЛИАНТОВ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ПОХИТИТЕЛИ
БРИЛЛИАНТОВ

Часть первая

ОПАСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТРЕХ ФРАНЦУЗОВ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

ГЛАВА I

Алмазные копи. — Расположение прииска. — Что такое участок. — Жизнь на прииске. — Алмазная лихорадка. — Нельсонс-Фонтейн. — Путешественники и землекопы. — Два кафра-пижона. — Жертвы краха. — Альбер де Вильрож и его друг Александр Шони. — Последствия одной дуэли на пистолетах. — Сокровища королей Южной Африки. — В неведомую страну. — Загадочное убийство.

В Нельсонс-Фонтейне, на алмазном прииске, было в этот день более шумно и оживленно, чем когда бы то ни было. Искатели алмазов, среди которых были люди всех рас, всех цветов кожи, всегда работали не покладая рук, но в этот день они находились в состоянии какого-то бешеного иступления. Впрочем, внимательный и владеющий собой наблюдатель догадался бы, в чем дело.

Неприветливая местность, голые скалы и множество зияющих глубоких ям, окружавших прииск, делали его скорей похожим на каменоломни. Мельчайшая пыль, подымавшаяся над разрытой землей, образовывала густые тучи; временами она заслоняла солнце. Свежему человеку сразу бросалось в глаза бесконечное переплетение металлических тросов, соединявших один конец каждой ямы с противоположным откосом под более или менее острым углом — в зависимости от глубины выемки. По тросам, на блоках, непрерывно подымались наверх вместительные мешки из бычьей кожи, наполненные песком. Небольшое приспособление, похожее на те, какими пользуются в парижских пригородах огородники, подает ведро наверх, едва оно наполняется, и мчит его обратно, как только оно опорожнено.

Вся местность напоминала огромную шахматную доску, каждая клетка которой имеет размер десять на десять метров. Каждая клетка — это горный отвод, или участок, предназначенный для добычи бриллиантов. На дне глубоких ям с усердием муравьев работают одетые в обноски люди. Они роют, копают и просеивают размельченную землю. Их черные, белые или желтые лица покрыты грязью, пылью и потом. Кожаный мешок бежит наверх. Возможно, в нем лежит целое состояние.

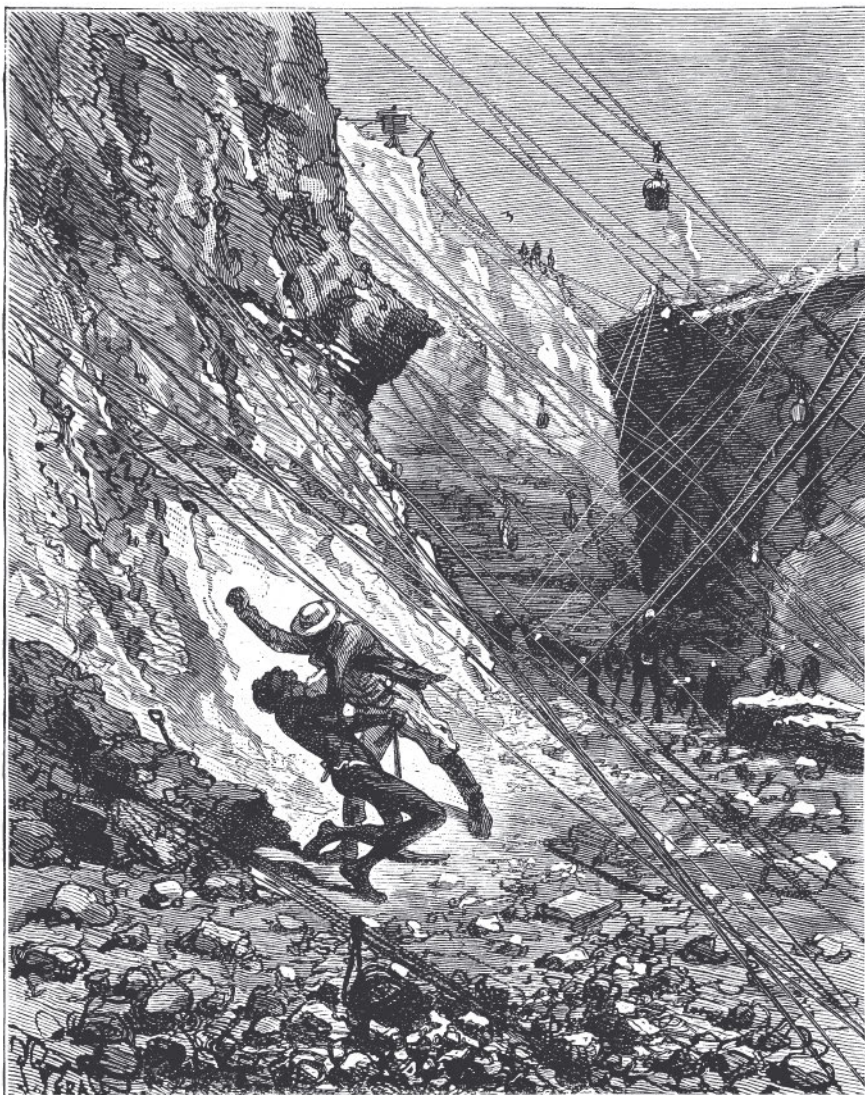
Вот блок перестает визжать. Содержимое мешка высыпается на массивный стол, вырытый у края ямы. Белый хозяин судорожной рукой разбрасывает землю по столу, а сам смотрит жадными глазами, не сверкнет ли драгоценное зерно.

Обследованную землю потом ссыпают на тачки и увозят по узким тропинкам, которые правильными линиями прорезают весь прииск. Нельзя смотреть спокойно, как беспечно люди толкают тачки по самому краю пропасти: достаточно одного неловкого движения, чтобы оступиться и полететь вниз. Но что значат далеко не редкие несчастные случаи в глазах этих людей, охваченных алмазной лихорадкой! Время от времени происходит обвал, или обрывается камень, или падает вниз тачка — столь узки эти тропки, высокопарно называемые дорогами. Раздается крик ужаса и боли, и когда кожаное ведро снова поднимется на поверхность, в нем лежит изуродованное человеческое тело. Какое это имеет значение? Главное — алмазы! Гибель человека — происшествие незначительное.

Вот какой-то поляк нашел алмаз в сорок восемь каратов. Сейчас же маклер предлагает ему пятьсот фунтов стерлингов (двенадцать тысяч пятьсот франков). Но счастливчик требует тысячу, и маклер уходит, только пожимая плечами.

Вот ирландец. У него вид человека, измученного нуждой и непосильным трудом. Внезапно он подскакивает, точно в приступе умопомешательства. Он кричит, воет, мечется из стороны в сторону и раздражается потоком ругательств на своем горланном кельтском языке:

— Арра! Арра! Бедарра! Братья мои, я умираю! Я задыхаюсь от радости! Арра! Мои дети будут богаты!.. А я смогу пить виски! Алмаз в семьдесят пять каратов! Джендльмен даст за него пять тысяч фунтов стерлингов (сто двадцать пять тысяч франков).

Новость мигом облетает весь прииск, и лихорадочное исступление возрастает, хотя это уже как будто и невозможно.

Вот кто-то другой, менее впечатлительный, чем ирландец, явно сдерживает лихорадочную дрожь. Его движения замедляются. Несмотря на все свое видимое хладнокровие, он чем-то озабочен. Потом он делает нечто странное. Босой ногой, пальцы

которой у него не менее ловки, чем пальцы рук, он пытается нащупать некий камешек. Он его заметил своим наметанным глазом и сразу оценил: это алмаз, еще не отделившийся от породы.

На минуту человек приостанавливает работу, делает вид, будто удаляет из ноги занозу, хватается свой камешек и быстро прячет его во рту.

Но это заметил надсмотрщик, от которого ничего не укроешь. Мига не прошло, а он уже на дне ямы. Он хватается человека за глотку и сразу обрушивает ему на голову могучий кулак:

— Открой рот, мерзавец, или я тебя повешу!

Но вор лежит в обмороке. Надсмотрщик достает из кармана складной нож, раскрывает его, просовывает клинок между судорожно сжатыми зубами вора, нажимает и с победоносным видом извлекает камешек.

— Подымите мне этого мерзавца наверх. Пусть ему вспяют двадцать пять кнутов... С ним это не впервой!

Но такие истории, подтверждающие богатство прииска, только разжигают у людей жадность, и поиски продолжаются все с тем же неутомимым усердием.

Алмазы были обнаружены в Нельсонс-Фонтейне сравнительно недавно несколькими рудокопами, пришедшими из Дютойтспена. Расположенный на $24^{\circ}30'$ восточной долготы по Гринвичу и $27^{\circ}40'$ южной широты, на самом краю Западного Гриквалленда и примерно в ста семидесяти километрах от Оранжевой реки, Нельсонс-Фонтейн еще недавно был совершенно неизвестен. Теперь же, как утверждают, ему предстоит сделаться одним из самых богатых приисков во всей английской Капской колонии. Однако крайне плохое оборудование и полное отсутствие каких бы то ни было удобств делают пребывание здесь малозавидным. Если бы не надежда быстро разбогатеть, люди вряд ли смогли бы оставаться хотя бы несколько часов в этих душных ямах, да еще при сорокаградусном зное. Воды здесь нет. Ведро стоит франк и даже франк семьдесят пять. В лагере до отвращения грязно. Но все же англичане, коим свойственна методичность и прекрасное колонизаторское чутье, пытаются улучшить столь плачевное положение вещей. Шатающиеся хижины, драные палатки расставлены относительно симметрично,

Похитители бриллиантов

и власть, заботясь о безопасности тружеников, пытается оздоровить этот очаг инфекции. Каждый вор — а их здесь много, — если его не приговорили к наказанию кнутом, должен отбыть несколько дней принудительных работ. Наказание это налагается часто и заключается в уборке лагеря. Приговоренные работают бригадами под наблюдением полицейского, который ходит за ними с заряженным револьвером в руке.

Однако похоже, что чем больше вывозят тряпья, лохмотьев, коробок из-под консервов, старых сапог и поломанных лопат и кирок, тем больше их вновь оказывается через каких-нибудь

несколько часов. Люди пришли сюда в поисках богатства и несколько не думают о самых элементарных законах гигиены. Режут скотину, а потроха и кости бросают прямо перед палаткой; потом являются негры, китайцы или собаки, хватают все эти отбросы и с жадностью их поедают. Остатки валяются по всему лагерю.

Ни горловые, ни глазные болезни, ни злокачественные язвы, ни нарывы никого здесь не пугают, никто не думает о своем здоровье. У инного уже припрятано где-нибудь в земле, под палаткой, целое состояние, а он ходит босой, в лохмотьях и питается сухарями, которые макает в кап-бренди (местную водку). Для этих одержимых весь смысл жизни выражен в одном слове — «алмаз». Оно сверкает и гипнотизирует.

Поэтому ничего нет удивительного в том, что прибытие новых четырех человек, хотя и не совсем обычного вида, прошло здесь почти незамеченным. Это два европейца и два негра. Все они, особенно европейцы, внешне не имели ничего общего с приисковой публикой. Главой небольшой группы оказался среднего роста, худощавый, смуглый человек лет тридцати, с пылающими глазами, вьющимися, коротко стриженными волосами и иссиня-черной бородой. Правильные черты и подвижность лица выдавали его южное происхождение. Было в нем, кроме того, нечто особое, породистое. Его снаряжение и весь вид показывали, что человек этот весьма и весьма заботится об удобствах, которыми здесь обычно пренебрегают.

Шлем из сердцевины алоэ с назатыльником из белой материи защищал его от зноя. Куртка с поясом и множеством карманов свидетельствовала, что человек привык к дальним путешествиям. Бархатные брюки оливкового цвета, собранные в колене, засунуты в большие светло-рыжие сапоги. Широкий нож, который мог служить и тесаком, висел у него на поясе; у него был, кроме того, громадный патронташ и двуствольное ружье крупного калибра. Наконец, из двух карманов выглядывали две цепочки: в одном лежали часы, в другом — никелевый компас.

Второй европейец был одет точно так же и имел такое же снаряжение. Но этим исчерпывалось все сходство между ними, хотя они и были примерно одного возраста и, по-видимому, оба

южане и одной национальности. Но первый носил свое дорожное платье с каким-то изяществом, а второй был простоват. Самый поверхностный наблюдатель заметил бы это с первого взгляда. Короче говоря, сразу было видно, что один из них — слуга, а второй — господин.

Что касается двух колоритных чернокожих, то вид у них был весьма своеобразный.

Заслуживает описания их одежда. На одном были только штаны, другой носил только сорочку. Обе вещи были грязны и поношены, говоря точнее — изодраны в лохмотья. Одевание того из двух негров, который носил сорочку, дополнялось фетровой шляпой, которая не имела верха и потому не прикрывала его густой взлохмаченной шевелюры. На бедре у него — там, где камергеры прицепляют золотой ключ, — болтался нож, а в ушах — латунные серьги, к каждой из которых был подвешен кусок агата величиной с абрикос.

Что касается счастливого обладателя штанов, то он носил на голове донышко плетеной корзинки, которое украсил, вместо помпона, небольшой банкой из-под анчоусов. В мочку правого уха он продел свою трубку, а в левом ухе мочка была растянута картонной ружейной гильзой.

Оба негра были в восторге от своих нарядов и поглядывали с высокомерием на чернокожих приисковых рабочих, которым судьба в такой роскоши отказала.

Я забыл отметить, что они носили каждый по огромному двуствольному карабину — из тех, какими в Африке пользуются для охоты на крупного зверя.

Оба европейца проходят медленным шагом и смотрят по сторонам, очевидно ища кого-то или что-то.

В конце концов они обращаются к полисмену. Тот, вежливо ответив на их приветствие, приглашает их следовать за ним и приводит к яме, на дне которой работают человек шесть.

— Это здесь, господа, — кланяясь, говорит полицейский.

Молодой человек подходит к самому краю, стараясь хоть что-нибудь увидеть сквозь густую пыль, поднимающуюся из глубины. Несколько камешков обрывается у него из-под ног. Землекопов, поглощенных работой на дне ямы, это заставляет взгля-

нуть наверх. Один из них испускает крик, в котором радость перемешана с изумлением. По шаткой лесенке он спешит выбраться на поверхность и, нисколько не смущаясь грязи, которая покрывает его лицо, руки и одежду, бросается прямо в объятия элегантному молодому джентльмену:

— Альбер!.. Альбер де Вильрож!.. Друг мой!..

— Александр!.. Дорогой Александр! — восклицает взволнованным голосом новопривывший. — Наконец-то я тебя нашел!

— Ты здесь! В этом аду! Рядом со мной!.. Какое чудо привело тебя сюда? Какой счастливый случай?

— И не чудо и не случай. Я отвечаю тебе, как Цезарь после победы над сыном Митридата: я пришел, я искал, я нашел.

— Славный ты мой Альбер! Ты все такой же весельчак!

— Почему бы и нет?

— Значит, ты искал меня?

— И весьма усердно.

— Для чего же именно?

— Во-первых, для того, чтобы тебя повидать. А затем, чтобы помочь тебе вернуть состояние, верней — для того, чтобы мы оба могли вернуть каждый свое состояние...

— Оба? Да неужели ты тоже...

— Разорился дотла.

— Каким образом?

— Да все тот же крах. Сначала ты все потерял, а потом оказалось, что и я остался без гроша.

— Ах ты, бедняга!

— Спасибо за сочувствие... Но мы начинаем привлекать внимание всех этих джентльменов, ищущих алмазы. Я не люблю, чтобы на меня слишком заглядывались. Давай-ка отойдем в сторону. У тебя тут есть где-нибудь свой угол? Какая-нибудь дыра, какой-нибудь насест?

— Вот именно, ты правильно сказал: дыра и насест. Идем!

— Еще одно слово. Я должен тебе представить моего спутника. Ты уже, впрочем, слыхал о нем. Это мой молочный брат Жозеф, сын нашего фермера из Вильрожа.

— Ах, значит, это и есть Пупон?

— Совершенно верно. По-французски Жозеф, а по-каталонски — Пупон. А теперь — андьямо!

Тот, которого звали Александром, шел впереди и вел своих спутников по узким тропинкам между ямами к палаткам, белевшим в полукилометре от места работ.

Александр Шони примерно года тридцать два. Он полная противоположность своему другу. Большие голубые глаза, светлые волосы, длинные усы, высокий рост и атлетическое сложение делают его похожим на первых обитателей древней Галлии — тип, почти совершенно исчезнувший. Сходство особенно сильно в моральном смысле, ибо Александр Шони наделен не только живостью наших предков, но также их душевной прямоотой и храбростью.

— Вот она, моя дыра, — сказал он, раздвигая полог палатки. — А вот и насест. — При этих словах он показал на две бычьи шкуры; они были натянуты на рамы, которые стояли на четырех вбитых в землю кольях.

— Обстановка простая и дешевая, — весело заметил Альбер.

— Пустяки: тысяча франков наличными!

— Ах, черт! А дела-то хоть идут?..

— Как сказать... За эти шесть месяцев я с трудом сводил концы с концами. К счастью, недели две назад мне удалось найти ямку, которая принесла мне тысяч десять.

— В общем, не бог весть что. Зато я принес тебе богатство.

— То есть как это?

— Расскажу в двух словах. Ты знаешь, что за последние годы я бывал в Париже лишь изредка. Мною овладел демон странствий, острая лихорадка путешествий. Недаром я каталонец. С братьями Эстерхази я охотился на львов в Абиссинии, сопровождал Бро де Сен-Поль Лиаса в его экспедиции на Суматру, в Конго встречался с Саворньяном де Бразза, принял приглашение Солейе отужинать у него в Обоке. Но, проезжая через Исмаилию, я внезапно получаю от моего поверенного письмо с извещением, что все мое состояние ухнуло в результате знаменитого финансового краха. Я мигом помчался в Париж, распродал свои имения, расплатился с долгами и очень скоро ока-

зался без гроша за душой. Единственным ощутимым для меня результатом этой операции было то, что я смог оценить ошибочность известной поговорки, лживой, как и все прочие...

— ...«Заплатить долги — значит разбогатеть»?

— Вот-вот. Конечно, я расплатился, но я не имею ни гроша, в то время как другие ничего не заплатили и теперь они богаты, как свиноторговцы. Но довольно об этом.

— Да ведь и со мной было то же самое! Мне пришлось продать все, что я имел, вплоть до моего маленького имения Бель-Эр. Я с трудом сохранил две с половиной тысячи дохода для моей бедной матери.

— Мне удалось удержать ферму в Вильроже, и она аккуратно приносит триста франков чистого убытка в год. Так что ты видишь, как процветают мои дела! Но жить-то ведь надо. А меня не привлекает чиновничья служба. По-моему, место консула или жалованье супрефекта не более заманчивы, чем высокопочетная, но низкооплачиваемая должность сельского полицейского. Тогда у Анны возникла гениальная мысль...

— У Анны? Кто это — Анна?

— Черт возьми, моя жена! Ведь я женился! Ты ничего не знаешь? Это целая история. Мы познакомились полтора года назад, и как раз недалеко отсюда — в Трансваале. Она дочь методистского проповедника. Друг мой, это ангел, жемчужина! Некий господин Ван дер... не вспомню точно его фамилии... словом, один бур, сущий белый дикарь, у которого сто квадратных миль своей земли, добивался ее руки. Анна видеть его не могла. Мы с ним дрались на пистолетах. Мой нынешний тесть был его секундантом. Проповедник! Бур ужасно смутился и стрелял в меня как-то так неловко, что пуля прострелила ухо distinguished слуге Божию... Эта неловкость погубила все матримониальные расчеты моего противника. Так что спустя неделю счастливым супругом мисс Анны Смитсон стал я!..

— Очень хорошо! — прервал его Александр, смеясь во все горло. — Однако перейдем к гениальной мысли твоей жены.

— Очень просто. Ты, быть может, знаешь или не знаешь, не важно, — что уже в тысяча семьсот пятидесятом году, в ту эпоху, когда Грикваленд принадлежал голландцам, миссионеры составили карту, в которой указывалось, что эти земли, едва из-

вестные белым, содержат алмазы. И действительно, установлено, что коранна, кафры и бушмены пользуются алмазами если не для украшения, то как орудием труда. Эти дикари говорят, что их предки уходили в Грикваленд за алмазами и пользовались ими для обработки жерновов.

— И ты все это узнал? О, кладезь мудрости!..

— Не я, а моя жена. За какой-нибудь час она рассказала мне об алмазах гораздо больше, чем папаша Дазен, наш с тобой учитель химии в лицее Наполеона, за три года. Из всего, что нам вдалбливал этот милейший человек, я помню только, что, вопреки некоторым мнениям, алмаз — это чистый углерод, что он кристалл и имеет форму куба, восьмигранника, ромбического додекаэдра и так далее и так далее. Всему этому я охотно верю. Но Анна, видишь ли, родилась в здешних местах, в фургоне, когда ее папаша проповедовал Евангелие дикарям. Она говорит на четырех или пяти местных наречиях, и, можешь мне поверить, в ее устах эти странные звуки кажутся не менее певучими, чем трели соловья.

— Здорово! — убежденно воскликнул Александр.

— Она пережила немало приключений, и, между прочим, ей довелось спасти от мучительной смерти одного кафра по имени Лакми. А ты прекрасно знаешь пословицу: «Благодарность — добродетель чернокожих».

— Но пословицы всегда лгут!

— Бывают и верные, а исключения лишь подтверждают правило. Лакми привязался к дому пастора. Этот дом стоял на колесах и находился в постоянных разъездах. За несколько месяцев до моей женитьбы этот бедняга Лакми умер от чахотки. Хотя болезнь эта и неизлечима, его обеспечили самым правильным уходом, самой преданной заботой. Он был потомком могущественного вождя какого-то племени, эдакого Кетчвайю своего времени. Умирая, он принес в дар своему доброму ангелу, своей благодетельнице, огромное количество алмазов, единственным и законным владельцем которых он был. Точней говоря, это куча камней, которые предназначались для обработки жерновов, — килограммов двадцать. И все это припрятано в одном местечке, куда мы с тобой и отправимся сию же минуту, без всякого промедления. В Кейптауне французский консул сказал мне,

что ты находишься здесь, в Нельсонс-Фонтейне. Тогда я подумал, что надо поделиться моим богатством с тобой. Ты всегда был моим лучшим другом, и тебя постигла та же беда, что и меня. Поэтому я считаю, что будет вполне естественно, если ты поделишь со мной мою удачу. За этим я сюда и прибыл, дорогой мой Александр. Вот и все.

Александр задумчиво молчал. Его друг заговорил снова:

— Ты онемел? Ты не говоришь: «Едем поскорей»? Ты не торопишься продать свою гнусную яму и эту рваную палатку, которая кишит всякими мерзкими насекомыми? Или ты мне не веришь?

— Верю, верю, но...

— Что «но»? У меня есть карта местности. Правда, плохонькая. Но мы с тобой не робкого десятка, мы не пропадем и с такой картой. Ее составил по указаниям покойного Лакми мой тесть, пастор Смитсон. Он ее начертил раствором пороха на платке. Это будет наша путеводная нить, и она нам поможет найти клад. У меня есть доброе предчувствие. Поверь мне, ты выкупишь у черной банды свой Бель-Эр, а я построю в Вильроже замок из красного гранита, с восемью сарацинскими башнями и с террасой над обрывом... Да что это с тобой?

Александр вскочил, точно его подбросило пружиной. Он схватил револьвер, висевший на колышке, и быстро вышел.

— Тихо! — сказал он шепотом. — Нас подслушивают!

Нетвердой походкой пьяного мимо проходил человек огромного роста.

— Ничего! — сказал Александр Шони, вернувшись в палатку. — Какой-то пьяный. Он едва не свалился на палатку.

— Одобрю твою осторожность. Подобные тайны не следует выбалтывать так, чтобы слышал всякий и каждый. Тем более что нам еще, по всей вероятности, предстоит встретиться с моим соперником, с этим буром, которого Анна спровадила. Он и два его брата поклялись меня убить.

— Ах так? — резко перебил его Александр. — В таком случае я еду с тобой. Черт возьми, предвидится драка, и моему лучшему, моему единственному другу грозит смертельная опасность, а я буду сидеть в логове, как дикий кабан? Да что я, подлец, что ли?